

ПРАВО

УДК 340.115.4; 316.28

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАТИВИСТИКИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С. В. Тихонова

доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций,
Саратовский государственный университет
E-mail: segedasv@yandex.ru

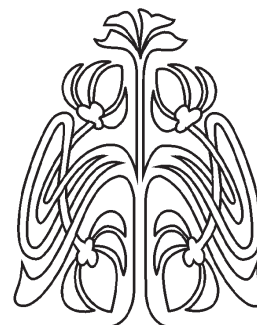
Введение. Статья посвящена анализу формирования новой междисциплинарной научно-исследовательской области в России – правовой коммуникативистики. Рассматриваются методологические процессы структурирования предметного поля коммуникативистики, выделения в нем самостоятельных сфер, включая правовую коммуникативистику; анализируются проблемы формирования предметного поля правовой коммуникативистики. **Теоретический анализ.** Формирование коммуникативистики в пространстве отечественной гуманитарной науки началось в постсоветский период и было связано с рецепцией западных образцов методологической и институциональной организации знания о коммуникации. В нашей стране довольно быстро произошло внедрение коммуникативной проблематики в учебный процесс, появились коммуникативные специальности высшего профессионального образования, были созданы профильные исследовательские ассоциации, специализированная научная периодика, защищались диссертации по коммуникативной тематике. Однако основной барьер развития отечественной коммуникативистики – оформление самостоятельной научной дисциплины – остался непреодоленным. Институциональный дефицит детерминировал «распыление» исследований коммуникации по разным исследовательским областям, специализацию предметного поля коммуникативистики. Частным случаем этого процесса стало оформление правовой коммуникативистики. Оно происходило в три этапа: 1) появление новой предметной области на стыке лингвистики и правовой науки (юрислингвистика и лингвоюристика) и устойчивого интереса к исследованию правовой коммуникации; 2) становление коммуникативной теории права в общей теории права; 3) формирование информационно-коммуникационной парадигмы государственности при активном участии науки информационного права. **Результаты.** Анализ трех дисциплинарных областей, порождающих предметное поле правовой коммуникативистики, показал, что для их интеграции в единое целое имеются достаточные условия. Во-первых, это общая для них тенденция интерпретации коммуникации в праве через ее социальную природу и устойчивая обратная связь с неюридическими науками, исследующими современные процессы коммуникации. Во-вторых, использование категориального аппарата и базовых структурных схем коммуникативистики. Развитие правовой коммуникативистики как самостоятельного междисциплинарного исследовательского направления, объединяющего коммуникативистику и юридическую науку, зависит теперь от процессов консолидации научного сообщества.

Ключевые слова: правовая коммуникативистика, коммуникативистика, информационно-коммуникационная парадигма государственности, коммуникативная теория права, юрислингвистика, лингвоюристика, теория права, информационное право, правовая методология.

DOI: 10.18500/1994-2540-2015-15-3-319-330

Введение

В современную цифровую эпоху все чаще исследователи обращаются к коммуникационным (и коммуникативным) аспектам права. Все очевиднее становятся взаимосвязи и взаимопереходы права и коммуникации. И если бурное эволюционирование второй под влиянием научно-технического прогресса уже очевидно, то первое

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

продолжает удерживать позиции, производя впечатление незыблемости и устойчивости. Но это впечатление обманчиво – социальная динамика не знает исключений. Если меняется общество, меняется созданное им право, даже если скорость этих изменений различна. Дать ответ на вопрос об их характере способна правовая коммуникативистика – междисциплинарное направление исследований, к оформлению которого сегодня вплотную подошла российская гуманитарная наука. В данной работе мы попытаемся обрисовать ее контуры, проанализировав процессы развития общего проблемного поля коммуникативистики. Возможно, иногда наш анализ покажется излишне детальным. Но это качество обусловлено слабой разработанностью истории коммуникативных исследований, взятых с содержательной стороны их предмета.

Теоретический анализ

С конца XX в. в российском общественном сознании формируется новое исследовательское направление – коммуникативистика, включающее в себя различные научные дисциплины, изучающие социальные коммуникации. Это событие стало результатом постперестроечного «открытия» отечественными гуманитариями западной обществоведческой традиции, опиравшейся на новый для россиян научный язык, новую систему классиков, новые подходы и методологические проекты. Особую роль также сыграли исследования межкультурной коммуникации, востребованность которых после падения железного занавеса существенно возросла. Россия открывала мир, мир открывал Россию. Гуманитарная наука открывала себя, порывая с оковами идеологической ортодоксии и государственного заказа. Новое «свободное плавание» началось с декларации методологического плюрализма и отказа от политизации науки. Массированная переоценка ценностей и катастрофически дефицитное государственное финансирование оставили на заднем плане проблемы институциональной архитектоники науки. Форма надолго была забыта ради содержания, будоражившего воображение и подстегивавшего исследовательский азарт. Каждый из тех, кому довелось столкнуться с гуманитарной наукой в 90-е гг. XX в., помнит головокружение от новых горизонтов, имен и идей. Запретные, маргинальные и просто неизвестные исследовательские тематики, нарабатываемые западными коллегами, начали победную экспансию в российское пространство научной коммуникации.

Среди них была и коммуникативистика. Как междисциплинарное направление, она опиралась

на систему понятий, сформулированных в категориальных аппаратах теории коммуникации, теории журналистики, информатики, кибернетики, компьютерного программирования, социологии, социологии массовых коммуникаций, литературоведения и лингвистики и пр. При этом коммуникативистика уже обладала историей, достаточно короткой, чтобы не терять новизны, и достаточно долгой для того, чтобы обрести известную самостоятельность. Начало развития научных исследований коммуникации на Западе совпадает с началом XX в. В течение столетия формируются три взаимосвязанных, взаимодействующих и взаимодополняющих уровня исследования коммуникации, обеспечивающие целостность ее познания. Первый уровень представлен концепциями социально-онтологического плана, использующими базовую категорию «коммуникация» для создания различных версий описания, объяснения и предсказания социальной реальности. Второй уровень обеспечивает инструментальное развитие философских концепций, их трансформацию в методологические проекты изучения коммуникативных процессов в конкретных социально-исторических условиях. Третий уровень охватывает эмпирические исследования мезо- и микроуровня.

К концу XX в. западная коммуникативистика обретает не только структурированную предметную область, но и развитые институциональные формы. Ф. И. Шарков оценивает институализацию американской науки о коммуникации по таким параметрам, как существование одноименных учебных дисциплин, специализаций, кафедр в университетах, присвоение степеней MA, MS, Ph.D. по специальностям «communications», «communications management», «communications studies», «mass communications» и т.д.; наличие обширной научной периодики по проблемам коммуникации, учебной и энциклопедической литературы; активная деятельность исследовательских ассоциаций; значительное число выпускников по специальности «коммуникация». Кстати, в США за двадцать лет число выпускников университетов по специальности «коммуникация» выросло в три раза и достигло 60 тыс. бакалавров, 6 тыс. магистров, защищается около 500 докторских диссертаций в год [1]. В странах Европы развитие науки о коммуникации достигло аналогичных позиций [2].

В нашей стране судьба новой науки о коммуникации оказалась неоднозначной. Как отмечают О. Матяш и С. Биби, советская средняя и высшая школа не включала в себя оформленного компонента коммуникативного обучения и образования; в структуре подавляющего большин-

ства советских вузов практически отсутствовали факультеты или кафедры, имеющие в своем наименовании термины «коммуникация», «речевая коммуникация», «социальная коммуникация» или «человеческая коммуникация» [3]. Элементы теории коммуникации развивались в рамках изучения массовой коммуникации в журналистике, одной из наиболее престижных специальностей СССР. Также в стране существовали богатые традиции лингвистики, языкознания, общих языковых предметов и филологии, хотя и ориентированные на устный и письменный анализ текста, а не на функционирование «языка в действии». Фактически, несмотря на существование исследований тех или иных сторон человеческой коммуникации, коммуникация сама по себе не рассматривалась как отдельный предмет и область изучения. Во многом эту ситуацию западные исследователи связывают с характерными для Советского Союза идеологическими и цензурными практиками [4]. На наш взгляд, это объяснение должно быть дополнено спецификой системы массовой информации страны, обладавшей вертикальной иерархичной структурой и стандартизированным форматом групповой и публичной коммуникации, характерной для социально-политической сферы общественной жизни.

В постсоветский период рецепция западного наследия в сфере коммуникации была разновекторной, системным характером она не обладала. В этой связи мощный старт, связанный с серьезным интересом к проблемам коммуникации российских исследователей из разных областей, не дал линейного развития. Результаты исследований коммуникации были быстро интегрированы в учебный процесс, способствовали развитию прикладных коммуникативных специальностей («Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Связи с общественностью», «Международные отношения», «Социально-культурный сервис и туризм» и др.) и внедрению коммуникативных компетенций в высшее образование, но на этом институциональное оформление коммуникативистики остановилось. Последним барьером стал этап институализации научной дисциплины, предполагающий появление соответствующей специальности научных работников в Номенклатуре специальностей научных работников ВАК РФ и закрепление за ней области исследований в паспорте специальностей.

Таким образом, нынешнее развитие коммуникативистики опять демонстрирует примат содержания над формой. Сегодня эволюционирует ее предметная область, обеспечивая завершение формирования обширной, ранее не рассматриваемой самостоятельно, но ставшей таковой

области знаний. Институциональный дефицит осложняет это развитие, способствуя «распылению» исследований коммуникации по разным исследовательским областям. Современный этап социального развития, неразрывно связанный с перманентными коммуникационными революциями, обеспечивает трендовый статус любым исследованиям, учитывающим коммуникационное измерение социальных, политических, экономических, культурных трансформаций. В итоге экстенсивный рост корпуса текстов не дает единой панорамы. Тем не менее, он усиливает потребность в ней, поскольку ставит перед исследователями общие задачи.

Ключевые вопросы современного развития предметного поля коммуникативистики могут быть обозначены как проблемы самоопределения, демаркации и дифференциации (специализации) предметной области.

Рассмотрим их подробнее. Самоопределение исследовательской области является базовым этапом закрепления ее общепринятого названия. Самоопределение не оказывает прямого влияния на повышение актуальности конкретных исследований, но оно имеет существенное методологическое и институциональное значение. На методологическом уровне самоопределение обеспечивает создание структуры межпредметных связей и тем самым вхождение новой области в систему научного знания. На институциональном уровне оно обеспечивает профессионализацию исследователей, появление обособленных исследовательских групп со своими школами, лидерами, традициями.

Самоопределение отечественной коммуникативистики осложнено затянувшейся терминологической полемикой и конкуренцией терминов. На статус самоназвания исследований коммуникации претендуют термины «коммуникативистика», «коммуниковедение» и «коммуникология». О. Я. Гойхман, например, говорит о том, что теория коммуникации, коммуникативистика, коммуникология, коммуниковедение – это синонимы, которым в дальнейшем многие авторы придают не совсем синонимичный смысл [5, с. 7]. При этом понятия «коммуникология» и «коммуниковедение» отсутствуют в общепринятых лексикографических словарях, в отличие от понятия «коммуникативистика», присутствующее в профессиональных словарных изданиях.

Определения науки о коммуникации в профильных исследованиях и их категориальные ряды отличаются большим разнообразием. Например, М. М. Назаров раскрывает содержание коммуникативистики, определяя ее как науку, изучающую проблемы информационных (сетевых)

коммуникаций [6, с. 13], тогда как Ф. И. Шарков считает, что коммуникативистика – одно из научных направлений науки коммуникологии, изучающее зарождение и функционирование информационно-коммуникационных систем, способы осуществления коммуникаций этих систем с внешней общественной средой, а также теоретические основы и практические аспекты социального взаимодействия в различных сетях коммуникации (включая электронные сетевые сообщества) [2, с. 17]. Конкуренция терминов проявляется и в названии ведущих в рассматриваемой области изданий – журналов «Современная коммуникативистика» и «Коммуникология». Основной проблемой терминообразования, на наш взгляд, является не столько противостояние школ, сколько необходимость в методологически оправданном объединении теоретического и эмпирического уровня исследования коммуникации, весьма обширных и развивавшихся автономно друг от друга. Решение проблемы самоопределения имеет два пути – стихийных и формальный. В первом случае постепенно сформируется общепринятая традиция словоупотребления (в рамках данной статьи мы опираемся именно на стихийно формирующуюся традицию закрепления термина «коммуникативистика», базирующуюся на эстетической интуиции языкового восприятия). Во втором произойдет нормативное закрепление одного из терминов в рамках оформления научной специальности. Сегодня сложно сказать однозначно, какой путь ожидает отечественную коммуникативистику.

Следующая проблема – проблема демаркации. Демаркация позволяет обособить предметную область и тем самым обосновать уникальность исследуемой ее дисциплины, зафиксировать характерный для нее аспект наблюдаемого явления. В демаркационной политике коммуникативистики сегодня наблюдаются две тенденции – отмежевание от лингвистики и сближение с социальной теорией. Потребность в четкой линии демаркации предметного поля коммуникативистики со стороны лингвистики имеет существенные основания. Лингвистические исследования внесли немалый вклад в становление коммуникативистики. В этом отношении показательна оценка О. И. Матяш, по мнению которой «лингвистика составляет одну из самых сильных научных традиций России, неудивительно, что лингвистический компонент преобладает в зарождающихся коммуникативных дисциплинах, включая межкультурную коммуникацию» [7, с. 71].

Но коммуникативистика связана с лингвистикой не только генетически. Современную лингвистику отличает интерес к языковой де-

ятельности, реализовавшийся в формировании коммуникативной лингвистики, для которой коммуникативная значимость коммуникативных единиц (речевых актов) проявляется в дискурсе. С точки зрения лингвистики предметная область коммуникативистики может быть полностью включена в лингвистическое предметное пространство: «...коммуникация уже сферы лингвистики, если считать, что общая теория лингвистики складывается из теории языковой системы, теории речевой деятельности как функционирования системы и теории текста как продукта такого функционирования» [8, с. 70]. Такое поглощение коммуникативистики не находит поддержки среди теоретиков коммуникации, связывающих с коммуникативистикой более широкий ракурс. Если лингвистика сосредоточивается на проблемах использования языка как знаковой системы в процессе коммуникации, то коммуникативистика помещает в фокус внимания сам этот процесс, т.е. социальные взаимодействия.

В. Б. Касевич считает возможным осуществить демаркацию лингвистики и коммуникативистики на основе функционального критерия: «...если исходить из функций, то теория языка – лингвистика – изучает языковые *средства*, процесс их использования и продукт этого процесса, а теория коммуникации – *цель* использования языковых и неязыковых средств, а также достигаемый соответствующими процессами *результат*» [8, с. 70].

А. В. Кравченко, рассуждая о различии предметных областей лингвистики и коммуникативистики, подчеркивает, что языковые факты составляющие предмет лингвистики, сводятся к искусственному понятию, объект которого не существует сам по себе: «...они всегда суть тех или иных положений дел, порождаемые деятельностью (собственно, в этом и состоит значение самого слова “факт”), в данном случае – специфическими взаимодействиями между членами человеческого сообщества» [9, с. 5]. Лингвистическая интерпретация коммуникации, по его мнению, опирается на «языковой миф», веру в то, что язык есть нечто автономное, существующее в объективном мире вне человека, как некий инструмент, используемый людьми для достижения своих целей – с той только разницей, что в отличие от других инструментов и орудий язык используется для проделывания операций с нематериальными сущностями, такими как мысли, идеи и т. п. [9, с. 6].

Показывая социальный характер коммуникации, А. В. Кравченко сближает коммуникативистику с Interaction Studies, направлением исследований особенностей различного рода вза-

имодельствий внутри социальных (человеческих) систем. В основу этого сближения он помещает следующую интерпретацию коммуникации: суть коммуникации (установление связи с другим членом сообщества) – не столько обмен чем бы то ни было, сколько вовлечение другого в сферу своих взаимодействий с миром с целью оказать на этого человека *ориентирующее воздействие*, т.е. изменить в той или иной степени состояние среды, в которой находится «адресат», таким образом, чтобы это изменение вызвало со стороны «адресата» ту или иную поведенческую реакцию. Коммуницировать – значит *действовать* так, чтобы изменить универсум дискурса, который ты и я разделяем. Избранный автором подход предполагает отказ от рассмотрения коммуникации как средства обмена информацией в пользу трактовки ее как процесса, в ходе которого говорящие управляют тем, что происходит в головах слушателей и в их когнитивной нише [9, с. 7]. В этом случае коммуникация интерпретируется как средство оказания влияния и координирования разных точек зрения. Далее А. В. Кравченко говорит о том, что в избранном им ракурсе языковая деятельность эквивалентна «координированному поведению в консенсуальной области», а языковые знаки есть средства такой координации.

Очевидно, что приведенная позиция стремится совместить интеллигентный и прагматический аспект человеческого поведения, продемонстрировать единство созидания социального смысла и социального действия. В итоге отмежевание от лингвистики оборачивается сближением с социальной теорией, позволяющей интерпретировать коммуникацию как социально-онтологический процесс, фундамент онто- и филогенеза и основание социальной реальности. Показательно, что А. В. Кравченко целенаправленно отказывается от термина «социальная коммуникация» как тавтологичного. Действительно, любая коммуникация с участием человека социальна. Но инфраструктурный, технический аспект коммуникации в системах «машина – машина», играющий все большую роль в современной цивилизации, делает использование термина «социальная коммуникация» совершенно не лишним, хотя любая машина является артефактом.

О. И. Матяш считает интерпретацию коммуникации как социального процесса специфической чертой современного этапа развития исследований коммуникации [7]. Для него свойственно акцентирование не просто интерактивного, но трансактного характера коммуникации, реализующейся в непрерывном потоке, в котором нет дискретного распределения ролей комму-

никантов при перманентном аккумулировании в каждой текущей интеракции прошлого опыта и проекта будущего. «Социальные подходы к коммуникации» объединяют общие философские и теоретические постулаты, конкретизируемые широким спектром социальных теорий (критическая теория, социальный конструктивизм, социальный конструкционизм, символический интеракционизм, социолингвистика и др.).

Коммуникативистика конвергентна современной социальной теории. Ключевым методологическим инструментом коммуникативистики является модель коммуникативной цепи, в соответствии с которой основными элементами коммуникационного процесса являются:

- субъекты коммуникационного процесса – отправитель и получатель сообщения (коммуникатор и реципиент);

- средства коммуникации – код, используемый для передачи информации в знаковой форме, а также каналы, по которым передается сообщение (письмо, телефон, радио, телеграф и т.п.);

- предмет коммуникации (какое-либо явление, событие, в нашем случае миф-представление) и отображающее его сообщение (статья, радиопередача, телевизионный сюжет, в нашем случае – миф-текст);

- эффекты коммуникации – последствия коммуникации, выраженные в изменении внутреннего состояния субъектов коммуникационного процесса, в их взаимоотношениях или в их действиях.

Модель коммуникативной цепи близка модели социального действия (социальной интеракции), со времен М. Вебера являющегося базовым понятием социальной теории. В соответствии с последней простейшей единицей социальной деятельности выступает социальное действие, т.е. такое действие индивида, которое направлено на разрешение жизненных проблем и сознательно ориентировано на ответное поведение людей. Социальное действие невозможно без осмысления и ориентации на интересы других людей, оценки их возможностей, вариантов и последствий разногласий. Структура социального действия включает в себя:

- субъекта (актора), который может быть как индивидуальным, так и коллективным;

- ситуационное окружение, т.е. совокупность объектов, событий, процессов и явлений, выступающих для субъекта окружающей средой;

- совокупность сигналов и символов, с помощью которых субъект вступает в различные отношения с конкретными элементами ситуационного окружения и приписывает им некий смысл;

– систему правил, норм и ценностей, которые ориентируют действия субъекта, обеспечивая их целенаправленность.

Модели коммуникативной цепи и социального действия вполне конвертируемы, т.е. перевод описания интеракции с терминологии одной модели на другую не требует сложных интерпретационных процедур. Но близость коммуникативистики и социальной теории этим не исчерпывается.

Последние несколько десятилетий социальная теория вынуждена менять свой интерпретационный аппарат в связи с трансформацией своего предмета – бурной эволюцией общества Модерна, их переходом в информационную фазу постиндустриализма, сопровождающимся интенсивными процессами глобализации, реструктурирующими иерархичные ансамбли Модерна через сетевую ризоматическую деятельность автономных субъектов. В работах П. Бурдьё, Э. Гидденса, П. Бергера и Т. Лукмана, К.-О. Апеля, Ж. Бодрийяра, Ю. Хабермаса, Н. Лумана категории *habitus*'а, структуризации, социального конструирования, коммуникативного сообщества, симуляции, коммуникативного сообщества, аутопойэзиса фиксируют текучую, пластичную панораму социальной реальности, воссоздаваемой в непрерывных разнокалиберных интеракциях.

Их итогом стал коммуникативный поворот социальной теории. Он позволил объединить в социальном анализе субъективное и объективное; социальное, антропологическое и когнитивное; вывести из закрытых предметных областей, синтезировав в динамичное и живое целое. Коммуникативная теория социальной реальности универсальна: она описывает не только микроуровень социального взаимодействия, но и показывает социетальный уровень. Когда Н. Луман говорит, что коммуникация есть закрытая система, он демонстрирует, что для ее существования достаточно взаимодействующих людей и ничего более. Социальная реальность в коммуникативных социальных теориях демонстрируется как непрерывный процесс воспроизводства и модернизации социальных структур, обладающих разной конфигурацией и детерминированных интересубъективными смыслами. Процессы коммуникации трактуются как «социальная материя»: общество состоит из коммуникаций и вне их не существует.

Таким образом, «социализации» коммуникативистики, доминированию в ней социальных подходов отвечает встречный коммуникативный поворот в социальной теории. Вероятно, эта встреча будет весьма эвристически продуктив-

ной в методологическом отношении. Но она не таит в себе угрозы поглощения предметного поля коммуникативистики социальной теории. Социальная теория слишком широка, чтобы концентрировать свое внимание только на аспектах социальной динамики и синтеза уровней социальной системы. Ее оплотом продолжает оставаться социальная статика, выражающаяся в проблематике социальной структуры.

Еще одна проблема – проблема дифференциации проблемного поля коммуникативистики. Поскольку полная, «вертикальная», модель институализации оказалась для российской коммуникативистики нереализуемой, ее развитие пошло по иному, «горизонтальному», пути. Предметная область стала дробиться на зоны, осваиваемые преимущественно моно-специалистами, хотя и на основании базовых идей, принципов и подходов коммуникативистики. Первой такой зоной, быстро сформировавшейся в нашей стране, оказалась социология массовых коммуникаций. Развиваясь как часть общесоциологической теории, она сосредоточилась на анализе кино, прессы, радио, телевидения и быстро трансформировалась в самостоятельную отрасль социологии, изучающую СМИ в качестве базового агента социализации личности и базового фактора формирования общественного сознания.

Второй в рамках коммуникативистики обособилась политическая коммуникативистика, концентрирующая свое внимание на специфике политических коммуникаций. Как справедливо отмечает Л. Н. Тимофеева, появление политической коммуникативистики маркируется осознанием научным сообществом специфики пространства политических отношений, формируемых коммуникационными процессами, и изучением их роли в системе властных отношений [10, с. 47]. Оформление политической коммуникативистики совпадает с появлением трендовых тем среди диссертаций, защищаемых по политическим наукам, научных монографий, статей в политологической периодике и разработкой одноименных учебных курсов.

На волне дифференциационных процессов в коммуникативистике зарождается и главная героиня нашего повествования – правовая коммуникативистика. Она складывается в зоне правовой, юридической тематики процессов коммуникации.

В западной коммуникативистике (*communication science*) эта область вполне устоялась благодаря активному развитию исследований по направлению «коммуникационное право и политика» (*communication law and policy*). Указанные исследования посвящены в основном

проблемам распространения и регулирования новых коммуникационных технологий, включая Интернет, свободы выражения, права интеллектуальной собственности, ответственности журналистов и др. [11]. Наиболее перспективными уже традиционно считаются правовые аспекты использования Интернета в различных целях (образование, здравоохранение, коммерция, управление), авторское право и интеллектуальная собственность, проблемы доступа, кибербезопасность. Дж. Рейнард и С. Ортис на основе контент-анализа статей по коммуникационному праву и политике пришли к выводу о возрастании значимости исследований роли коммуникации в правоприменении и судебной практике. Одной из проблем формирования правовой коммуникативистики авторы считают обилие исследований, опирающихся на исторический/критический метод, что объясняется профессиональной подготовкой большинства коммуникативистов: ученые в области коммуникационного права и политики получили традиционное юридическое образование и начинали научную деятельность с истории масс-медиа. По мнению Дж. Рейнарда и С. Ортис, нехватка эмпирических исследований может рассматриваться как методологическая узость, которая, тем не менее, может быть преодолена в будущем. При этом в подавляющем большинстве рассматриваемые ими научные работы они оценили как проблемные, а не теоретические [11].

В нашей стране в постсоветский период правовая тематика коммуникативистики сформировалась опять-таки усилиями лингвистов. Исследовательская траектория в данном случае выглядела следующим образом: лингвистика – юрислингвистика – лингвоюрисдика – юриспруденция. Между лингвистикой и юриспруденцией были созданы две пограничные области, отражающие качественный характер преобладания специфических предметов исследования и применяемой методологии. Первой сложилась юрислингвистика. Ее исходная задача – сделать юридический текст понятным и точным по своему содержанию. Она исследует те закономерности естественного языка, которые лежат или должны лежать в основании текста закона, во многом определяя как его создание, так и применение в юридической практике. Для этого требуется решение проблемы соотношения языковых законов с юридическими законами, естественного и юридического языков. Юридизация естественного языка рассматривается лингвистами как органическое развитие языка, экстраполирующегося в различные коммуникативные сферы общественной жизни, в том числе в юридическую сферу. Юрислингвистика видит

во всех смешанных языко-правовых явлениях, прежде всего, языковую сторону, ее детерминацию собственно языковыми закономерностями и законами, имеющими во многом стихийно-естественную и непосредственно-отражательную природу [12, с. 11]. Онтологическим основанием предмета юрислингвистики выступает стихийный, естественный механизм нормообразования в языке, на который опирается собственно целенаправленная, искусственная юридическая нормативность. Подобно нормам морали, находящим закрепление в законе, стихийные нормы языка трансформируются в правовые нормы, регулирующие взаимоотношения человек – язык, языковая сфера – языковая сфера, язык – язык.

Отметим, что становление юрислингвистики начиналось с собственно лингвистической постановки проблем, когда юридическая сфера (подсистема) языка не рассматривалась как самостоятельная, обладающая особой нормативностью, а исследователей интересовали общезыковые закономерности. Постепенно, по мере контакта с юридическими текстами, происходил отрыв от привычных для лингвистов презумпций в пользу анализа слов и текстов через призму закона, его специфического предназначения и содержания. Так, лингвистический предмет эволюционировал «до состояний, невыводимых в полной мере из естественного языка» [12, с. 23], до понимания глубоких качественных изменений естественного языка, происходящих в юридической сфере. Язык права начинает исследоваться как социальный феномен [13, с. 34].

Языковые аспекты права изучает лингвоюрисдика, относящаяся к наукам о праве, разрабатываемым учеными-правоведами. Язык – это не только средство выражения воли законодателя, но и форма существования права. К предмету лингвоюрисдики относятся законодательная техника, толкование текста закона, юридическая терминология, составление юридических тезаурусов, осуществление специальных процедур (судебный протокол, допрос и др.). Как отмечает С. О. Стефанова, если юрислингвистика говорит, каким образом используется язык в том или ином правовом документе или судебном процессе, то «лингвоюристы» решают вопрос о том, как подвести эти случаи к существующему законодательству или судебной практике [14]. К лингвоюрисдике также относят проблемы коммуникации между субъектами права (правовую коммуникацию – судебную, правотворческую и т.п.). Например, Н. А. Любимов, анализируя процесс законотворчества, формулирует понятие правовой коммуникации применительно к сфере общественной жизни: «...правовая ком-

муникация – это проходящий в правовой сфере общественной жизни процесс передачи правовой информации от правотворческого органа к правоприменителю» [15, с. 133].

Следующим этапом формирования предметной области правовой коммуникативистики стало обращение к проблеме связи коммуникации и права правой теории. Началось оно с обращения к категории «правовая коммуникация», не раз привлекавшей внимание ученых юристов. Например, В. Г. Графский рассматривает правовое общение (в отличие от лично-властных и политико-властных отношений) как практическое претворение навыков и форм справедливых индивидуальных и групповых взаимоотношений, которые обеспечены определенными гарантиями: согласием относительно способов и процедур урегулирования возникающих споров, уважением к установившимся традициям и нравам, другими элементами сложившейся культуры [16]. Феномен правового общения исследовался в работах Л. С. Мамута [17], Н. В. Варламовой [18]. Проблема правовой коммуникации получила и самостоятельное рассмотрение в рамках диссертационной работы Е. А. Романовой, которая определяет ее как основанный на юридических нормах порядок взаимодействия субъектов, связанный с обменом правовой и иной информацией, направленный на удовлетворение их законных интересов и потребностей [19, с. 9].

Теоретико-правовой аспект анализа правовой коммуникации предполагает более широкий, чем это принято в лингвистике, подход. В фокусе исследовательского внимания оказывается не столько текст, сколько регулирующие оперирование этим текстом нормы, устанавливающие объем прав и обязанностей субъектов права и, тем самым, определяющие структуру коммуникации. Не вдаваясь сейчас в нюансы родовидовых отношений понятий «коммуникация» и «общение», отметим, что в теоретико-правовом ракурсе правовая коммуникация (правовое общение) – это значимое, но локальное явление в правовой жизни, обладающее собственными признаками и выполняющее вполне конкретные функции, аналогично правовой норме, правовому поведению, правовой культуре. Его многоаспектность предполагает включение в предметные области соответствующих научных отраслей и дальнейшее сведение к лингвоюридической и юрислингвистической исследовательской стратегии. Теоретические модели правовой коммуникации, полученные таким образом в отраслевых юридических науках, остаются рядоположенными, автономными по отношению друг к другу. Появление темы правовой коммуникации,

хотя и может быть отнесено к правовой проблематике в коммуникативистике, не играет роли системообразующего фактора, порождающего самостоятельное научное направление. Иначе говоря, эта тема укладывается в существующие дисциплинарные рамки.

Ситуация изменилась, когда понятие коммуникации оказалось востребованным на уровне правопонимания. Этот методологический поворот был совершен Санкт-Петербургской школой права, ориентированной на постклассическую парадигму научной рациональности, воплотившейся в социологической и психологической школах правопонимания. Важную роль в этом процессе играет журнал «Правоведение», благодаря творческим усилиям его главного редактора А. В. Полякова ставший в последние годы ведущим центром научной коммуникации представителей правовой коммуникативистики.

Коммуникативная теория права использует понятие коммуникации для описания правовой реальности как непрерывного вырабатывания права социальными субъектами в их совместной деятельности [20, с. 104], «переплаывая» в единое целое объективное и субъективное, должное и сущее, принуждение и свободу, абсолютизируемые по отдельности классическими школами права. Развитие коммуникативных теорий права интегрирует коммуникативный аспект в интерпретацию основных феноменов права, закладывая возможность универсального применения их методологических идей и категориальных рядов во всех отраслях юридической науки. Кроме того, оно дает выход к «верхним этажам» современной социальной теории, интерпретируя правогенез как неотъемлемую часть непрерывного социогенеза.

Последним этапом в развитии предметного поля правовой коммуникативистики является становление информационно-коммуникационной парадигмы государственности [21], призванной предсказать основные линии развития государства и права в информационную эпоху. Обеспечивая научное обоснование правовой политики в информационной сфере, информационно-коммуникационная парадигма государственности как междисциплинарная область знания аккумулирует знания о трансформации государственно-правовых структур в условиях тотальной информатизации, об использовании информационно-коммуникационных технологий в государственном строительстве, конкретизирующемся в создании электронного правительства, электронного правосудия, попыток объединения законодательных инициатив с практиками общественных обсуждений.

Интенсивное использование информационных и телекоммуникационных технологий гражданами, бизнесом и органами государственной власти затронуло способы организации интеракций между этими субъектами и привело к формированию новой концепции государства – электронной. Электронное государство опирается на новые принципы взаимодействия государства и личности, а также между элементами государственной системы; его дальнейшая эволюция предполагает пристальное внимание к технологическому прогрессу, к порождаемым им новым формам общественных отношений. Важнейшим источником становления информационно-коммуникационной парадигмы развития российской государственности является наука информационного права, одна из самых молодых отраслей в общей системе юридической науки.

Информационное право находится в авангарде юридической науки, первым осваивая новые, ранее неизвестные правовой науке понятия – «Интернет», «провайдер», «киберпространство», «электронная торговля», «блоггер» и т.д., моделируя инновационные концепции государственно-правового развития и прогнозируя формирование специфических правоотношений, связанных с построением информационного общества и электронного государства. Этой задачей объясняется высокая чувствительность информационно-коммуникационной парадигмы к новым эмпирическим данным социально-гуманитарного знания, ее гибкость и мобильность, преодолевающая традиционную консервативность юридической науки. Вместе с тем для развития информационно-коммуникационной парадигмы имеют значения универсальные правовые теории, применимые во всех отраслях, и общетеоретические концепции, имеющие выход на неюридические науки. Среди первых необходимо отметить теорию правовой политики [22–24], приложение которой к информационной сфере направлено на оптимизацию государственно-правового регулирования в этой области, минимизацию негативных аспектов развития информационно-коммуникационных технологий, сглаживание цифрового разрыва и предотвращение использования информационно-коммуникационных технологий в общественно опасных целях. Среди вторых внимания заслуживает концепция легитимация права, затрагивающая проблемы влияния на право политической коммуникации, информационно-коммуникационной системы общества и идеологических дискурсов [25, 26].

Результаты

Таким образом, мы обрисовали тенденции развития трех дисциплинарных областей (правовой лингвистики, коммуникативных теорий права, информационно-коммуникационной парадигмы государственности), порождающих предметное поле правовой коммуникативистики. Для их интеграции в единое целое имеются достаточные условия. Во-первых, каждая из них в настоящее время демонстрирует социоориентированность выбираемого аспекта исследования, подчеркивающего социальную природу коммуникации. Вместе с тем самостоятельность каждой из областей позволяет поддерживать устойчивую обратную связь с неюридическими науками – лингвистикой, социальной теорией, эмпирическими исследованиями информационного общества, трактуемыми предельно широко. Во-вторых, каждая из них освоила основной категориальный аппарат коммуникативистики, созданные и признанные ее схемы и модели коммуникации. В итоге объединение этих областей определяется не только общностью их объекта исследования, но и комплементарной и/или кроссдисциплинарной методологией и общими базовыми категориями, что упрощает взаимный перенос идей, стратегий, средств и способов исследования в междисциплинарной сфере.

Развитие правовой коммуникативистики как самостоятельного междисциплинарного исследовательского направления, объединяющего коммуникативистику и юридическую науку, зависит теперь от процессов консолидации научного сообщества. Рассмотренные области исследовались преимущественно узкоспециализированными коллективами – только лингвистами, или только правоведами, или коллективами широкого профиля с минимальным участием юристов. Сегодня необходима кооперация исследовательских усилий, предполагающая интенсификацию информационного обмена между участниками, возможная только на единой теоретической основе, поскольку система организации юридической науки, жестко иерархичная на фоне остального социогуманитарного знания, требует определенной теоретической «конвертации» знания, полученного в разных ее отраслях.

Список литературы

1. Бергельсон М. Б. Совместные учебные программы : баланс интересов в межкультурном пространстве. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/b/bergelson02.shtml (дата обращения: 19.05.2015).
2. Шарков Ф. И. Социология социальных коммуникаций в контексте развития научного направления «коммуникология» // Коммуникология. 2014. Т. 7, № 5. С. 15–26.

3. Матъяш О. И., Биби С. А. Коммуникативное образование в России : история и современность // Сибирь. Философия. Образование : альманах. 2003. Вып. 7. С. 60–76.
4. Толстикова Ю., Кейтон Дж. Коммуникация о коммуникации : исследование развития дисциплины «Коммуникация» в России // Вестн. Рос. коммуникативной ассоциации. Вып. 1 / под общ. ред. И. Н. Розиной. Ростов н/Д : ИУБиП, 2002. С. 185–192.
5. Гойхман О. Я. Коммуникативистика в современном обществе // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2012. № 1. С. 4–8.
6. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном обществе : методология анализа и практика исследований. Изд. 2-е, испр. М. : Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
7. Матъяш О. И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование // Сборник научных трудов «Теория коммуникации & прикладная коммуникация». Вестн. Рос. коммуникативной ассоциации. Вып. 2 / под общ. ред. И. Н. Розиной. Ростов н/Д : ИУБиП, 2004. С. 103–122.
8. Касевич В. Б. Теория коммуникации и теория языка // Говорящий и слушающий : Языковая личность, текст, проблемы обучения : материалы Междунар. науч.-метод. конф. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. С. 70–75.
9. Кравченко А. В. Коммуникация и язык : некоторые соображения о предметной области коммуникативистики // Современная коммуникативистика. 2013. № 1 (2). С. 4–9.
10. Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика в России : проблемы становления // Коммуникология. 2014. Т. 5, № 3. С. 41–54.
11. Reinard J. C., Ortiz S. M. Communication Law and Policy : The State of Research and Theory // Journal of Communication. 2005. 55 (3). P. 594–631.
12. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. С. 11–58.
13. Грищенко Ю. А. Актуальные вопросы современной юрислингвистики // Ярослав. пед. вестн. 2005. № 1. С. 26–34.
14. Стефанова С. О. О языке права и юридических текстах. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/VI/uch_2009_VI_00041.pdf (дата обращения: 18.05.2015).
15. Любимов Н. А. К вопросу о правовой коммуникации в законотворчестве // Юрислингвистика-3. Проблемы юрислингвистической экспертизы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 132–147.
16. Графский В. Г. Правовое общение в прошлом и настоящем // Право и политика. 2011. № 1. С. 76–83.
17. Мамут Л. С. Правовое общение. Очерк теории. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2011. 80 с.
18. Варламова Н. В. Субъект права как юридико-догматическая интерпретация и homo juridicus // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права : материалы Пятых и Шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. М. : Норма, 2011. С. 169–172.
19. Романова Е. А. Правовая коммуникация : общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 22 с.
20. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб. : Алет-Пресс, 2014. 575 с.
21. Шарков Ф. И. Информационно-коммуникационная парадигма развития российской государственности // Коммуникология. 2014. Т. 3, № 3. С. 111–118.
22. Рыбаков О. Ю., Юрьева Ю. С. Правовая политика : сущность, основные черты // Вестн. СГАП. 2009. № 6 (70). С. 14–22.
23. Малько А. В. Теория правовой политики. М. : Юрлитинформ, 2012. 328 с.
24. Стратегии правового развития России / под ред. О. Ю. Рыбакова. М. : Юстиция, 2015. 624 с.
25. Рыбаков О. Ю. Социальное согласие в России : возможности личности и государства // Правоведение. 2009. № 1. С. 202–211.
26. Денисенко В. В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. М. : Юрлитинформ, 2014. 184 с.

The Development of Law Communication Study in Russia: Problems and Prospects

S. V. Tikhonova

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: segedasv@yandex.ru

Introduction. The article deals with the analysis of a new interdisciplinary research field formation in Russia – law communication studies. **Theoretical analysis.** Formation of communication studies in the space of domestic humanities began in the post-Soviet period and was associated with the reception of the Western models of methodological and institutional organization of knowledge about communication. In Russia the introduction of communicative problems in the educational process was quite fast. Communication specialty of higher education, specialized research associations, specialized scientific periodicals, dissertation themes were created. The main barrier to the development of domestic communication study was making an independent scientific discipline. It remains unresolved. Institutional deficit determined «atomization» of research communications for a variety of research areas, specialization subject field of communication. The forming of law communication study was a special case of this process. It had three stages: 1) the emergence of a new subject area at the intersection of linguistics and jurisprudence and stable interest in the study of law communications; 2) the establishment of law communicative theory in the general theory of law; 3) the formation of state information and communication paradigms with the active participation of information law science. **Results.** Three disciplinary areas that generate a substantive law communication studies field were analyzed. This analysis showed that the sufficient conditions for their integration into a single unit completed. Firstly, it is a common for them tendency to interpret communication in law through its social nature and steady feedback from non-legal sciences, which

explore the modern communication processes. Secondly, it is using of categorical apparatus and basic structural schemes of communication study. Now development of the law communication studies as an independent interdisciplinary research area depends on the process of consolidation of the scientific community.

Key words: law communication study, communication study, information and communication paradigm of statehood, law communicative theory, juridical linguistics, theory of law, information law, legal methodology.

References

- Bergelson M. B. *Sovmestnye uchebnye programmy: balans interesov v mezhkul'turnom prostranstve* (Joint training programs: a balance of interests in the intercultural space). Available at: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/b/bergelson02.shtml (accessed 19 May 2015).
- Sharkov F. I. Sociologija social'nyh kommunikacij v kontekste razvitija nauchnogo napravlenija «kommunikologija» [Sociology of social communications in the context of the development of the «communicology» research field]. *Kommunikologija* [Communicology], 2014, vol. 7, no. 5, pp. 15–26.
- Matjash O. I., Bibi S. A. Kommunikativnoe obrazovanie v Rossii: istorija i sovremennost' [Communication education in Russia: history and modernity]. *Sibir. Filosofija. Obrazovanie* [Siberia. Philosophy. Education. Almanach], 2003, iss. 7, pp. 60–76.
- Tolstikova Yu., Kejton Dzh. Kommunikacija o kommunikacii: issledovanie razvitija discipliny «Kommunikacija» v Rossii [The communicating about communication: fostering the development of the «Communication» discipline in Russia]. *Vestnik Rossijskoj kommunikativnoj asociacii* [Bulletin of Russian communication Association. Ed. by I. N. Rozina]. Iss. 1. Rostov on Don, 2002, pp. 185–192.
- Gojzman O. Ya. Kommunikativistika v sovremennom obshchestve [Communicativity in modern society]. *Nauchnye issledovanija i razrabotki. Sovremennaja kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communicativity], 2012, no. 1, pp. 4–8.
- Nazarov M. M. *Massovaja kommunikacija v sovremennom obshchestve: metodologija analiza i praktika issledovanij* [Mass communication in modern society: methodology of analysis and research practice. 2nd ed.]. Moscow, 2002. 240 p.
- Matjash O. I. Chto takoe kommunikacija i nuzhno li nam kommunikativnoe obrazovanie [What is communication and do we need communication education]. *Sbornik nauchnyh trudov «Teorija kommunikacii & prikladnaja kommunikacija»*. *Vestnik Rossijskoj kommunikativnoj asociacii*, [Collection of scientific works «the Theory of communication and applied communication». Bulletin of Russian communication Association. Ed. by I. N. Rozina]. Iss. 2. Rostov on Don, 2004, pp. 103–122.
- Kasevich V. B. Teorija kommunikacii i teorija jazyka [Communication theory and the theory of language]. *Govorjashhij i slushajushhij: Jazykovaja lichnost, tekst, problemy obuchenija* [The speaker and the listener: linguistic personality, text, problems of communication]. St. Petersburg, 2001, pp. 70–75.
- Kravchenko A. V. Kommunikacija i jazyk: nekotorye soobrazhenija o predmetnoj oblasti kommunikativistiki [Communication and language: some thoughts about the subject area of communicativity]. *Nauchnye issledovanija i razrabotki. Sovremennaja kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communicativity], 2013, no. 1 (2), pp. 4–9.
- Timofeeva L. N. Politicheskaja kommunikativistika v Rossii: problemy stanovlenija [Political communicativity in Russia: problems of formation]. *Kommunikologija* [Communicology], 2014, vol. 5, iss. 3, pp. 41–54.
- Reinard J. C., Ortiz S. M. Communication Law and Policy: The State of Research and Theory. *Journal of Communication*, 2005, vol. 55 (3), pp. 594–631.
- Golev N. D. Juridicheskij aspekt jazyka v lingvisticheskom osveshhenii [The legal aspect of language in the linguistic lighting]. *Jurilingvistika-1. Problemy i perspektivy* [Juridical linguistics-1. Problems and prospects. Ed. by N. D. Golev]. Barnaul, 1999, pp. 11–58.
- Grishenkova Yu. A. Aktualnye voprosy sovremennoj jurilingvistiki [Topical issues of modern linguistics]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2005, no. 1, pp. 26–34.
- Stefanova S. O. *O jazyke prava i juridicheskikh tekstah* [The language of law and legal texts]. Available at: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/VI/uch_2009_VI_00041.pdf (accessed 18 May 2015).
- Ljubimov N. A. K voprosu o pravovoj kommunikacii v zakonotvorchestve [To the question of legal communication in lawmaking]. *Jurilingvistika-3. Problemy jurilingvisticheskoj jekspertizy. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov / pod red. N. D. Goleva* [Juridical linguistics-3: Problems unilingualism expertise. Interuniversity collection of scientific works. Ed. by N. D. Golev], Barnaul, 2002, pp. 132–147.
- Grafskij V. G. Pravovoe obshhenie v proshlom i nastojashhem [Legal communication in the past and present]. *Pravo i politika* [Law and Policy], 2011, no. 1, pp. 76–83.
- Mamut L. S. Pravovoe obshhenie. Oчерк teorii [Legal communication. Essay on the theory]. Moscow, 2011. 80 p.
- Varlamova N. V. Subekt prava kak juridiko-dogmaticheskaja interpretacija i homo juridicus [The subject of law as the legal and dogmatic interpretation and homo juridicus]. *Standarty nauchnosti i homo juridicus v svete filosofii prava: materialy Pjatyh i Shestyh filosofskopravovyh chtenij pamjati akademika V. S. Nersesjanca* [The standards of scientific validity and homo juridicus in the light of the philosophy of law. Proceedings of the Fifth and Sixth philosophical and legal readings in memory of academician V. S. Nersesyants]. Moscow, 2011, pp. 169–172.
- Romanova E. A. *Pravovaja kommunikacija: obshheteoreticheskij analiz* [Legal communication: theoretical analysis. Cand. jur. sci. thesis diss.]. Saratov, 2001. 22 p.
- Poljakov A. V. *Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy* [Communicative understanding. Selected works]. St. Petersburg, 2014. 575 p.

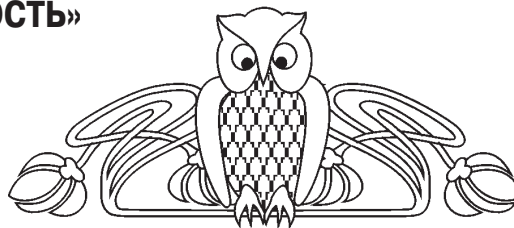
21. Sharkov F. I. Informacionno-kommunikacionnaja paradigma razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti [Information and communication paradigm of development of the Russian statehood]. *Kommunikologija* [Communicology], 2014, vol. 3, no. 3, pp. 111–118.
22. Rybakov O. Yu., Jureva Yu. S. Pravovaja politika: sušhnost, osnovnye cherty [Legal policy: the nature, main features]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2009, no. 6 (70), pp. 14–22.
23. Malko A. V. *Teorija pravovoj politiki* [The theory of legal policy]. Moscow, 2012. 328 p.
24. *Strategii pravovogo razvitiya Rossii* [Strategy of Russia legal development. Ed. by O. Yu. Rybakov]. Moscow, 2015. 624 p.
25. Rybakov O. Yu. Socialnoe soglasie v Rossii: vozmožnosti lichnosti i gosudarstva [Social cohesion in Russia: possibilities of the individual and the state]. *Pravovedenie* [Science of Law], 2009, no. 1, pp. 202–211.
26. Denisenko V. V. *Legitimnost kak harakteristika sušhnosti prava. Vvedenie v teoriju* [Legitimacy as a characteristic of the essence of law. Introduction to the theory]. Moscow, 2014. 184 p.

УДК 342.1

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «СУВЕРЕНИТЕТ», «НЕЗАВИСИМОСТЬ» И «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ»

А. А. Анохина

аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский государственный университет
E-mail: ano-alena@yandex.ru

Введение. Суверенитет, независимость и государственная целостность имеют ключевое значение для функционирования любого государства, поскольку непосредственно связаны с обеспечением его безопасности. Однако можно констатировать, что в настоящее время, несмотря на усиленный интерес к данным категориям, в юридической науке, так же как и в российском законодательстве, отсутствует единый подход к толкованию понятий «суверенитет», «независимость» и «государственная целостность». Учитывая важность этих явлений для стабильного существования и устойчивого развития государства, представляется необходимым обратиться к вопросу об определении и соотношении этих категорий и проанализировать их. **Методы.** Для достижения цели исследования использовались как общетеоретические, так и специальные методы познания: анализ, синтез, логический, диалектический, системно-структурные методы. Применение этих методов позволило исследовать объекты во взаимосвязях и взаимозависимостях, определить соотношение, а также выявить отдельные элементы исследуемых категорий, что предоставило возможность сделать обобщения и выводы. **Результаты.** В ходе исследования сделан вывод о разнородности понятий «суверенитет», «независимость» и «государственная целостность». В то же время эти категории взаимосвязаны и обладают общими составными элементами, они воздействуют друг на друга, вызывая обоюдные изменения. При утрате одной из категорий ставится под сомнение существование и функционирование другой.

Ключевые слова: суверенитет, независимость, государственная целостность, территориальная целостность, государственное единство, безопасность.

DOI: 10.18500/1994-2540-2015-15-3-330-334

Введение

В отечественной юридической науке существует множество подходов к определению

понятий «суверенитет», «независимость» и «государственная целостность». Проблема исследования указанных категорий носит междисциплинарный характер и является предметом теории государства и права, конституционного права, международного права.

Традиционно в юридической науке суверенитет рассматривается как качественный признак государства. Ф. И. Валяровский указывал, что суверенитет является своеобразным символом государства [1, с. 44]. В «Социологической энциклопедии» суверенитет определяется как категория, в основе которой заложены независимость и самостоятельность развития субъекта с точки зрения его историко-политического развития, решения вопросов внутреннего и внешнего развития, взаимодействия с иными участниками правоотношений [2]. В государственно-правовом смысле термин «суверенитет» означает «верховенство, единство, самостоятельность и независимость власти» [3, с. 594].

В науке конституционного права принято выделять три формы суверенитета: народный, государственный и национальный. Все три формы самостоятельны и в то же время взаимосвязаны. Традиционно народный суверенитет является первоосновой для появления национального и государственного суверенитета. Можно утверждать, что последние два являются производными от первого.